УДК 327

Алексей ГРОМЫКО

РОЖДЕНИЕ ПОСЛЕВОЕННОГО МИРА: ПЛАНИРОВАНИЕ И РЕАЛИИ

(К 75-летию Великой Победы и создания ООН).

Статья первая.

Статья поступила в редакцию 16.09.2020

Аннотация. Статья посвящена 75-летию окончания Второй мировой войны и создания Организации Объединённых Наций. Автор исследует процесс выработки послевоенной модели мироустройства, вклада в него советской дипломатии. Рассказывается о феномене «рузвельтовского курса» и атмосфере в отношениях между СССР и США в годы войны. Рассмотрены стратегические подходы дипломатии союзных держав к принципам взаимоотношений после войны. Показано, что формирование условий для возникновения холодной войны не было исторически запрограммированным и не отвечало национальным интересам бывших союзников. Очевидно, что в их расчётах ведущую роль долгое время играли соображения прагматизма и безопасности, нежели антагонистические идеологии. Подчеркнут выдающийся вклад конференций «большой тройки» в формирование основ послевоенной модели международных отношений. Отмечены роль и уникальность ООН в качестве основного результата стратегического видения «Великого альянса», значение решений которого не потеряло своей актуальности в наши дни. Данное исследование будет продолжено в следующем материале автора.

Ключевые слова: Вторая мировая война, дипломатия, Ялтинско-Потсдамская система, «большая тройка», безопасность, идеология, международные отношения, рузвельтовский курс, ООН, холодная война.

© **Громыко Алексей Анатольевич** – член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3.
E-mail: alexey@gromyko.ru

Автор выражает благодарность В.О. Печатнову, профессору МГИМО(У) МИД РФ, за ценные замечания, высказанные в ходе проведения данного исследования.

Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520201932>

75-летие окончания Великой Отечественной войны и Второй мировой войны напоминает всем живущим о трагических и грандиозных событиях, из которых родился новый мир. Заложенные ещё в военные годы параметры Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, пришедшей на смену Версальско-Вашингтонской, обеспечили относительную стабильность мирового развития на многие десятилетия вперёд. До сих пор последствия решений, принятых «большой тройкой» (СССР, США и Англия) и их союзниками, во многом формируют современные реалии политики, экономики и безопасности. В наследии победителей особую роль играет их совместное стратегическое решение создать универсальный и всеохватывающий инструмент по утверждению в международном праве принципов государственного суверенитета, невмешательства, согласования интересов держав, поддержания мира и безопасности – Организацию Объединённых Наций. День подписания её Устава – 26 июня 1945 г., наряду с датами 8 – 9 мая и 2 – 3 сентября, по своему значению является поистине судьбоносным.

Несмотря на обширнейший объём исторической литературы, посвящённой событиям тех лет, включая политико-дипломатическое измерение, и появление всё новых архивных документов, дискуссионным остаётся целый ряд вопросов, связанных с историческими перипетиями того времени, с использованными и упущенными возможностями по построению устойчивого послевоенного мира. В этом ряду находится феномен взаимодействия «Великого альянса», стратегического видения его участников, переплетение объективных и субъективных факторов, которые, с одной стороны, не допустили Третью мировую войну, но с другой – не предотвратили скатывания к войне холодной.

Непреодолимый интерес для нашего времени представляют уроки и опыт истории 1940-х гг., в том числе для ответа на вопросы: как восстановить действенное сотрудничество современных центров силы, в первую очередь постоянных членов Совета Безопасности ООН? Как не допустить укоренения нового издания холодной войны с возможностью её перерастания в горячую? С этой целью обратимся прежде всего к атмосфере взаимодействия между США и СССР в ходе войны с учётом сохранения его системного значения для международных отношений и в наши дни. Затем рассмотрим планы «большой тройки» и процесс их согласования при выработке послевоенного мироустройства. Наконец, поставим вопрос о том, была ли неизбежна холодная война, когда и как вызревали её предпосылки.

«Рузвельтовский курс»

Уже в начальный период Великой Отечественной войны стремление к выстраиванию продуктивного советско-американского диалога и практические шаги в этом направлении получили ощутимый импульс. К президенту США Франклину Делано Рузвельту в советском руководстве и дипломатическом корпусе испытывали искренние симпатии. Так, А.А. Громыко называл американского президента «одним из самых выдающихся государственных деятелей США», говорил о нём, как об умном политике, человеке широкого кругозора и незаурядных личных качеств [Громыко, 2015: 117]. Такое отношение имело и историческую подоплёку, ведь именно при Рузвельте в 1933 г. Москва и Вашингтон установили дипломатические отно-

шения. Символично, что последним документом, который Рузвельт подписал в последний день своей жизни, стало письмо на имя Сталина в ходе обмена посланиями между ними в связи с «бернским инцидентом»¹. Произошло это 12 апреля 1945 г., а вечером того же дня президент скончался. В своём письме Рузвельт заверял Сталина в твёрдом намерении укреплять сотрудничество с СССР.

Последовательностью во взглядах на укрепление советско-американских отношений в годы войны и на их характер после неё отличался Гарри Гопкинс, доверенное лицо Рузвельта, его ближайший советник и в целом самый влиятельный человек в Администрации президента. К той же категории политиков относился и вице-президент США Генри Уоллес. В январе 1943 г. в своих дневниках, ещё до окончания Сталинградской битвы, он писал о сотрудничестве Москвы и Вашингтона как о проблеме номер один в международных отношениях в послевоенный период [Громыко, 2015: 135]. Симпатии друг к другу тогда проявлялись не только на официальном дипломатическом и политическом уровне, но были элементом повседневной жизни. Так, вице-президент США мог ранним утром зайти в посольство СССР в Вашингтоне и передать для жены советского посла обещанные накануне лекарства [Громыко, 2015: 139]. В целом, в те годы «американские деятели считали для себя за честь побывать в советском посольстве» [Громыко, 2015: 152].

Симпатии советских дипломатов и политиков к американским деятелям, при которых были установлены дипломатические отношения с СССР, распространялись и на Кордэллу Хелла, государственного секретаря США в 1933 – 1944 гг. Считалось, что в целом он последовательно проводит линию Рузвельта на развитие советско-американских отношений. Стиль его поведения и формы реализации дипломатического искусства соответствовали общему реноме Администрации Рузвельта: основательность, чувство такта, корректность, профессионализм, гибкость, стремление избежать обострения ситуации. В этом же русле работали и другие высокопоставленные представители государственного департамента, включая Сэмнера Уэллеса, первого заместителя госсекретаря.

После установления дипломатических отношений между СССР и США в 1933 г. и до начала Второй мировой войны в Москве сменили друг друга в качестве американских послов Уильям Буллит, Джозеф Дэвис и Лоуренс Штейнгардт. Второй из них – Дэвис – выделялся как первый руководитель дипмиссии США, который искренне верил в развитие взаимовыгодных отношений между двумя странами [Громыко, 2015: 89]. Уже тогда во взаимных дискуссиях был обкатан принцип разведения идеологических противоречий с вопросами практического взаимодействия. Позже, в 1941 г. Дэвис возглавит президентский комитет, курировавший организации по оказанию помощи союзникам, станет почётным председателем Национального совета американо-советской дружбы. В 1942 г. в США вышла его книга «Миссия в Москву», укреплявшая симпатии к СССР². В мае 1945 г. Дэвис был награждён орденом Ленина за вклад в укрепление советско-американских отношений.

¹ Имеются в виду переговоры спецслужб США в Швейцарии во главе с Алленом Даллесом с представителями командования немецких войск в Северной Италии в лице генерала Карла Вольфа.

² Davies J.E. Mission to Moscow. London: Victor Gollancz Limited, 1945. URL: <https://archive.org/details/missiontomoscow035156mbp> (дата посещения: 23.10.2020)

В последующем он продолжал призывать к следованию курса Рузвельта на единство США, СССР и Великобритании.

В окружении Рузвельта дружеский настрой к СССР был присущ Гарольду Икесу, министру внутренних дел. Общее представление людей его круга, то есть наиболее близких к президенту политиков и государственных служащих, состояло в том, что различия в социальном строе не должны быть препятствием для тесного сотрудничества как в годы войны, так и, что особенно важно, после её окончания. Наличие идеологически несовместимых общественных систем не рассматривалось как непреодолимое препятствие. Конечно, такие настроения были далеко не всеобщими в политическом классе США, и это касалось не только Республиканской партии, но и правого крыла демократов. Уступкой интересам последних было решение Рузвельта на президентских выборах 1944 г. вместо Уоллеса выдвинуть на пост вице-президента кандидатуру намного более консервативного Гарри Трумэна. Не удалась и попытка Уоллеса побороться за пост президента в 1948 г. во главе Прогрессивной партии, которая не набрала и 3% голосов. К тому времени от рузвельтовского духа в советско-американских отношениях осталось мало, хотя фрагменты былых намерений о послевоенном союзничестве сохранялись.

Замечание выше об антисоветских настроениях в Республиканской партии отнюдь не означает, что в ней не учитывали возрастающий фактор Советского Союза не только во внешней, но и внутренней политике Америки. О многом говорит тот факт, что в 1944 г., перед президентскими выборами в США, советскому послу в Вашингтоне конфиденциальный визит нанёс финансист Томас Ламонт, руководивший банкирским домом империи Морганов, и, как оказалось, негласный посланец Республиканской партии. Его неординарная просьба состояла в том, чтобы СССР на выборах поддержал кандидата от республиканцев Томаса Дьюи, и это при хорошо известном характере отношений между Сталиным и Рузвельтом. Суть данного Ламонту ответа сводилась к тому, что СССР не вмешивается во внутренние дела Соединённых Штатов [Громыко, 2015: 159].

За развитие отношений с СССР и открытие второго фронта ратовали и другие видные политики-республиканцы, включая Уэнделла Уилки, который в 1940 г. был кандидатом от Республиканской партии на президентских выборах, а в 1944 г., вновь выставившись, проиграл праймериз Дьюи. Уилки активно сотрудничал с Администрацией Рузвельта, по его поручению совершал зарубежные визиты, в частности – в Советский Союз. С высоты 2020 г. можно лишь удивляться причудливым поворотам истории – от времён, когда даже во внутренней политике США благосклонности России искали и демократы, и республиканцы, к временам, когда любой намёк на российское влияние на американскую политику расценивается как скандальный.

К числу последовательных рузвельтовцев относились такие видные политики, как сенатор Томас Коннэли и конгрессмен Сола Блюм. Коннэли по предложению Рузвельта стал председателем комиссии по иностранным делам Сената США; Блюм занимал аналогичный пост в Палате представителей. Задолго до открытия второго фронта в Европе он не раз высказывался за это, строил свои рассуждения на прагматичной основе, считая, что такой шаг отвечает национальным интересам его страны. Позже, на конференции по созданию Организации Объединённых Наций в Сан-Франциско, Коннэли больше других членов американской делегации

был открыт для компромиссов по Уставу ООН, в том числе по принципу единогласия пяти держав и роли этой новой организации.

Убеждённым деятелем рузвельтовского направления был Генри Моргентау, министр финансов. Он представлял часть американского истеблишмента, радикально настроенную к гитлеровской Германии, считавшую необходимым её расчленение и, более того, переселение части немцев в другие районы мира, включая Северную Африку [Громыко, 2015: 129]. Среди единомышленников президента был и первый заместитель Моргентау – Гарри Декстер Уайт. Осенью 1941 г. он доверительно сообщал советским дипломатам в Вашингтоне, что сопротивление Красной Армии оказывает огромное влияние на умонастроения в руководстве США [Громыко, 2015: 131–132]. Причём, как хорошо известно, вплоть до декабря 1941 г., т.е. до советского контрнаступления под Москвой, большинство американских политиков, дипломатов, включая посла США в Москве Лоуренса Штейнгардта, и военных, большая часть американского общественного мнения не верили, что СССР избежит поражения в войне. Ожидания этого сохранялись и в последующем, свидетельством чего служит документ Комитета начальников штабов США, подготовленный в августе 1942 г., с прогнозом о ситуации в мире в случае поражения советских войск под Сталинградом, что имело бы тяжелейшие последствия для Америки [Торкунов, 2020: 4–5]. Другой пример – книга вышеупомянутого С. Уэллеса, вышедшая в 1944 г., в которой американский дипломат описывает распространённое в западной торгово-финансовой элите мнение, что гитлеровская Германия нанесёт поражение России [Welles, 1944: 321].

Подходы Рузвельта к долговременному сотрудничеству с СССР были характерны и для ряда других руководителей государственных ведомств, например, для Франка Волкера, министра почт, входившего в ближайшее окружение президента¹.

Большой бизнес США был также той средой, в которой немало людей и в ходе войны, и в первые послевоенные годы делали ставку на развитие нормальных и взаимовыгодных отношений с СССР. Симпатии к сотрудничеству с Советским Союзом питал крупный представитель американской деловой элиты Гарри Уорнер – основатель, совместно с братом Майерсом, кинокомпании «Уорнер бразерс», процветающей до сих пор. Олицетворением такого подхода служила также фигура Нельсона Рокфеллера, представителя знаменитой американской фамилии. Он был частью предпринимательских кругов, которые ожидали длительного благоприятного периода для организации экспорта в СССР оборудования, товаров лёгкой промышленности, оказания всевозможного содействия в послевоенном восстановлении. Рузвельт привлёк Рокфеллера к государственной службе, назначил его в 1944 г. заместителем государственного секретаря. Многим позже, в 1974 – 1977 гг. он станет вице-президентом США.

Ход военных действий, успехи Красной армии оказывали огромное влияние на умонастроения в США, особенно среди военных. Свой вклад в развитие союзнических отношений с СССР внесли военно-морской министр Джордж Форрестол, военный министр Генри Стимсон, начальник штаба армии США Джордж Маршалл. Последний был награждён орденом Суворова I степени. Надо сказать, что высоких советских военных наград в те годы удостоивались многие представители союзных

¹ Также о взглядах Рузвельта и его окружения см.: [Юнгблуд, 1996.]

держав, в том числе высшей – Героя Советского Союза [Кравченко, 2020: 28–29]. Одновременно военные относились к той части истеблишмента, представители которой находились в жёсткой зависимости от политической конъюнктуры. Так, Форрестол закончил свою жизнь, выбросившись из окна госпиталя с криком: «Русские танки!», а Маршалл после войны стал одним из символов изменения курса Трумэна в отношении СССР на постах государственного секретаря и министра обороны. Во время войны советское посольство в Вашингтоне посещал Дуайт Эйзенхауэр, который с 1943 г. занимал пост Верховного главнокомандующего экспедиционными силами союзников в Западной Европе. В 1945 г. он был награждён советскими орденами Победы и Суворова I степени, в Москве встречался со Сталиным. Следующие несколько лет будущий американский президент ещё не раз выкажется за сотрудничество с СССР.

Симпатии к Советскому Союзу и прагматичные настроения до Великой Отечественной войны, в ходе неё и длительное время после были распространены среди широких слоёв американского общества. Приёмы в советском посольстве в Вашингтоне собирали аншлаги. В посольство на 16-ой стрит и в консульства СССР шёл поток телеграмм и писем, выражавших поддержку советскому народу. Известными представителями таких настроений были в кругах университетской профессуры экономист с мировым именем Келвин Джон Ланкастер и знаменитый антрополог Алеш Хрдличка, в журналистской среде – Альберт Рис Уильямс, в среде музыкантов – Леопольд Стоковский и Юджин Орманди, певцы Поль Робсон и Фрэнк Синатра, драматург Лилиан Хелман, артисты Чарли Чаплин и Эдвард Робинсон, кинорежиссёр Орсон Уэллс, спортсмен Джо Луис и многие другие. Причём эти личности были американцами с громкими именами, многочисленными последователями и поклонниками, многие – кумиры своего поколения, те, кто представлял срез настроений и мнений значительной части населения США. Схожие процессы в общественных настроениях относительно Советского Союза происходили и в Британии [Печатнов, 2020: 40].

Конечно, это не означало, что они были всеобщими и проникали во все социальные слои. Советские дипломаты порой сталкивались с проявлением враждебности, как это случилось в Детройте в июне 1946 г. с послом СССР в США Н.В. Новиковым. Митинг «Американского общества помощи России» с его участием пытались сорвать представители таких ультраправых организаций, как «Христианские социалисты», «Антикоммунистический комитет Западного полушария» и «Америка прежде всего» [Новиков, 1989: 329–336].

В целом приведённые факты свидетельствуют, что политическое руководство Соединённых Штатов во главе с Рузвельтом обладало интуицией и пониманием потенциала и внутренних ресурсов Советского Союза, внутренне и по убеждению было готово к серьёзному диалогу с Москвой. Эти настроения крепились после нападения Японии на Пёрл-Харбор и по мере развития событий на восточном фронте. Уже в декабре 1941 г. ведущие представители Администрации заявляли о стратегическом характере курса Рузвельта в отношении СССР [Громыко, 2015: 133]. Причём в представлении Белого дома этот курс должен был быть основан на полном отказе от навязывания своих порядков другой стороне. Именно об этом, по словам Нельсона Рокфеллера, говорил ему лично Рузвельт [Громыко, 2015: 152].

С советской стороны также усиливалось желание выстраивать с США тесный диалог и в мирное, и в военное время. Ещё осенью 1939 г. Сталин говорил в личной беседе: «С такой крупной страной, как Соединённые Штаты Америки, Советский Союз мог бы поддерживать неплохие отношения, прежде всего с учётом возрастания фашистской угрозы» [Громыко, 2015: 96]. Значимо, что этот разговор — также один из доводов в пользу того, что Сталин не строил иллюзий по поводу Третьего рейха, несмотря на заключение Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом 23 августа 1939 года.

Как сохранить мир после войны

Процесс формирования представлений о мире после Второй мировой войны начался уже в её начальный период. В США с этой целью в декабре 1939 г. с одобрения Ф. Рузвельта создаётся Совещательный комитет по проблемам внешней политики. Однако к работе он приступил фактически только в феврале 1942 г. [Гайдук, 2012: 23, 29], что, хотя и с паузой, дало возможность системно обсуждать концепцию новой всемирной организации, призванной прийти на место Лиги Наций. В Атлантической хартии, подписанной Рузвельтом и Черчиллем в августе 1941 г., упоминания о ней ещё не было. О том, в каком русле развивался этот процесс, говорит тот факт, что деятельность комитета курировал госсекретарь К. Хэлл, о взглядах которого на послевоенный мир сказано выше. Также не случайно, что главным генератором идей в комитете был Лео Пасвольский, который позже со стороны США внёс большой вклад в создание ООН.

Параллельно схожий мыслительный процесс развивался в СССР. Об этом говорит текст советской-польской декларации от 4 декабря 1941 г. о дружбе и взаимопомощи, который включал тезис о «новой организации международных отношений, основанной на объединении демократических стран в прочный союз». В том же месяце Сталин на встрече в Москве с главой Форин-офис А. Иденом высказался за создание в послевоенном мире союза демократических государств, обладающего возможностью применять военную силу [Гайдук, 2012: 26]. Хорошо известна и записка С.А. Лозовского на имя Сталина, направленная в начале 1942 г., результатом чего стало решение Кремля учредить серию комиссий, включая комиссию НКВД по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства в главе с М.М. Литвиновым [Печатнов, 2020: 44–58]. К работе она приступила, как считается, осенью следующего года [Печатнов, 2006: 239–240] и с тех пор активно действовала длительное время в формате, как выразились бы сейчас, мозгового центра. Что касается Британии, то и там в 1942 г. аналогичная работа набирала обороты при поддержке А. Идена и при непосредственном участии известного сотрудника Форин-офиса Глэдвина Джебба.

1 января 1942 г. в Вашингтоне 26 государств подписали Декларацию Объединённых Наций, в которой впервые официально было использовано это словосочетание. Советская дипломатия принимала самое активное участие в написании и согласовании текста документа, создававшего фундамент антигитлеровской коалиции. В советско-американском коммюнике от 12 июня 1942 г., подписанном по результатам визита В.М. Молотова в США, говорится об обсуждении основных про-

блем сотрудничества Советского Союза и Соединённых Штатов в деле обеспечения мира и безопасности после войны.

В октябре 1943 г. Москва стала местом, где наработки стран «большой тройки» в отношении послевоенного мироустройства получили первое зримое воплощение на созванной по инициативе СССР конференции министров иностранных дел. Была принята Декларация четырёх держав по вопросу о всеобщей безопасности (с присоединением Китая), в которой со ссылкой на Декларацию Объединённых Наций содержатся основные принципы деятельности одноимённой организации. Если США стали стороной, внесшей на рассмотрение конференции проект декларации четырёх государств о всеобщей безопасности, то В.М. Молотов, поддержав рекомендации М.М. Литвинова, выдвинул идею создания комиссии представителей «большой тройки» для «предварительной совместной разработки вопросов, связанных с учреждением всеобщей международной организации» для поддержания мира и безопасности. Соответствующие формулировки, подготовленные редакционной комиссией конференции во главе с А.Я. Вышинским, вошли в Секретный протокол [Великая Отечественная война 1941–1945 годов, 2014: 268–269, 273].

Закладывать согласованные основы послевоенного мироустройства союзные державы продолжили в ходе подготовки и проведения конференции «большой тройки» в Тегеране (ноябрь – декабрь 1943 г.). Так, Рузвельт развивал свою концепцию «четырёх полицейских» (США, Англия, СССР, Китай), к которой Москва поначалу относилась с осторожностью [Никонов, 2016: 131]. Сталин высказывал сомнения, что международная организация, основанная на такой концепции, получит поддержку малых стран. В дальнейшем идея главенства великих держав в новой всемирной организации стала ключевой в дипломатии СССР по этому вопросу, получив своё воплощение в формате Совета Безопасности ООН и его постоянных членов. После Тегерана в Москве и Вашингтоне вновь параллельными курсами шла работа по отработке контуров организации-наследницы Лиги Наций. В конце 1943 г. в НКВД появляется записка Б.Е. Штейна «Основные принципы статута Международной организации по охране безопасности и мира» – первый известный документ, специально посвящённый этому вопросу. Примерно в то же время Рузвельту был представлен документ на схожую тему [Гайдук, 2012: 30–31].

В иранской столице обсуждались вопросы послевоенных границ, и в принципе было достигнуто согласие, как выразился Черчилль, по «обеспечению западных границ СССР». Имелась в виду прежде всего польско-советская граница по линии Керзона, то есть с учётом воссоединения с СССР Западной Белоруссии и Западной Украины. Это решение, несмотря на разногласия в отношении польского правительства в эмиграции, отражало понимание того, что в послевоенном мире союзные державы имели полное право на укрепление своей безопасности, в том числе в территориальных вопросах с учётом уроков Первой и Второй мировых войн.

Такой подход «большой тройки» нашёл подтверждение на Крымской и на Потсдамской (Берлинской) конференциях, где наконец была зафиксирована западная граница Польши по линии Одер – Нейсе. Причём сделано это было в соответствии с предложениями временного польского правительства национального единства, которое незадолго до встречи в верхах в Потсдаме признали США и Британия. Необходимо также отметить, что большие территориальные приращения Польши на её западе стали возможны благодаря тому, что в Потсдаме Советский Союз пошёл

на значительные уступки Соединённым Штатам и Британии в вопросе о репарациях с Германии. Освобождение Польши от фашистских войск стоило СССР жизни 600 тысяч солдат и офицеров. Но и после разгрома Третьего рейха Москва за свой счёт шла с союзниками на компромиссы в пользу Польши.

Что касается политической конфигурации власти в граничащих с СССР государствах, то Москва отталкивалась от соображений безопасности, а затем уже идеологии. В этих странах имели больше шансов получить власть симпатизирующие СССР силы не столько потому, что они были левыми или нейтральными, сколько потому, что именно эти силы могли обеспечить развитие своих государств в соответствии с представлениями о безопасности, выработанными на конференциях «большой тройки». Другими словами, идеология следовала за безопасностью, а не наоборот. Такой же принцип действовал в советском стратегическом мышлении в отношении Германии. Москва, в отличие от Лондона и Вашингтона, не стремилась продвигать в военные годы идею расчленения Германии на несколько кусков, хотя в дискуссиях внутри страны у неё были сторонники (прежде всего М.М. Литвинов и И.М. Майский). В Тегеране именно Сталин предложил решать германскую проблему на основе принципов демилитаризации и демократизации этого государства. В планах Москвы на послевоенное мироустройство отсутствовало намерение насаждать в Германии революционные преобразования; речь шла опять же о недопущении изменения баланса сил в Европе, угрожающего безопасности СССР [Филитов, 2015: 108–109]. В целом тезис о том, что стратегические планы Москвы на послевоенное мироустройство определялись в первую очередь прагматичными соображениями безопасности, а не идеологии, отсутствием установки на антагонистический характер отношений с западными странами, пользуется широким признанием в отечественной историографии, и с этим трудно не согласиться [Торкунов, 2020: 7; Никонов, 2016: 208; Синдеев, 2020, № 3: 159–160; Романова, 2020: 630, 632].

Выработка лекал послевоенного мира после Тегерана продолжилась на союзнических конференциях в Думбартон-Окс, пригороде Вашингтона (август – октябрь 1944 г.), Ялте (февраль 1945 г.), Сан-Франциско (апрель – июнь 1945 г.) и Потсдаме (июль – август 1945 г.). По всем этим событиям накоплен огромный объём историографических исследований, фактов и интерпретаций, включая историософский подход [Шевченко, 2019: 240]. Но многие темы ждут своего изучения, например, психологические аспекты принятия военно-политических решений, стиль управленческой деятельности высших политических и военных деятелей государств «большой тройки» [Воробьёв, 2020, № 5: 77]. Роль СССР в формировании послевоенного мироустройства подчёркивалась тем, что в Думбартон-Окс с общего согласия все дискуссии велись на основе советского плана и предложений [Гайдук, 2012: 40]. Важно отметить, что результаты встреч «большой тройки» находили широкую межпартийную поддержку в конгрессе США и в американских СМИ. Не только на ситуацию на фронтах в ходе войны, но и на возможности послевоенного сотрудничества большое влияние оказывали действия Москвы по помощи союзникам, среди которых показательны два примера: ускоренное наступление советских войск в январе 1945 г. в ответ на просьбу Черчилля в связи с прорывом немецких войск в Арденнах и вступление СССР, в соответствии с его обещанием, данным ещё в Тегера-

не, в войну против Японии в августе 1945 г. Таким образом выстраивалась, говоря современным языком, архитектура доверия, да ещё скреплённого кровью.

В ходе Крымской конференции Сталин не раз делился мыслью о том, что стремление к прочному миру, которое проявилось между союзниками в ходе войны, не должно оказаться быстро забытым. Такой подход полностью разделял Рузвельт, который надеялся хотя бы на 25 мирных лет после окончания войны, о чём он говорил В.М. Молотову ещё в 1942 г. [Гайдук, 2012: 25]. О стремлении союзников закрепить мир после войны как можно дольше говорит и англо-советский Договор о союзе в войне против гитлеровской Германии и её сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны, рассчитанный на 20 лет и подписанный в Лондоне В.М. Молотовым и А. Иденом в мае 1942 г. [Никонов, 2016: 125]. Ряд ведущих дипломатов в НКВД считали, что СССР потребуются намного больше времени для превращения в могущественную державу (например, И.М. Майский отводил на это 40–50 лет [Синдеев, 2020, № 3: 161]).

Одним из свидетельств того, что СССР стал делать ставку на долговременные взаимовыгодные отношения с США, была его позиция на конференции в Сан-Франциско по вопросу о расположении штаб-квартиры ООН. Москва поддержала идею её размещения в США, а не в Европе, за что советские дипломаты ратовали на учредительной конференции в Сан-Франциско и затем, с августа 1945 г., в ходе работы подготовительной комиссии и исполнительного комитета ООН в Лондоне. Причём Англия и Франция отдавали предпочтение Европе. Среди городов-фаворитов в Старом Свете значились Копенгаген, Париж и Женева. Главным была мотивация советской позиции: в Москве считали, что этот шаг позволит предотвратить уход США в изоляционизм, как это случилось после Первой мировой войны, сохранит за ними в послевоенном мире роль одного из ведущих центров силы, а значит и постоянного визави СССР на международной арене [Громыко, 2015: 158]. Конечно, если Москва весной 1945 г. строила бы планы по противостоянию с американцами, то её действия были бы противоположными. Голосование о регионе размещения штаб-квартиры ООН состоялось на заседании подготовительной комиссии, которое проходило в здании Чёрч-Хаус в центре Лондона. Кандидатура Европы недобрала лишь немного: за неё проголосовало 23 голоса, против – 25, включая СССР, две страны воздержались. Затем много времени ушло на выбор места в самих Соединённых Штатах. Окончательно этот вопрос решился в пользу Нью-Йорка в январе 1946 г. на первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, которая прошла в Лондоне в здании Централ-Холл.

Потсдамская конференция стала большим испытанием для тех, кто привык действовать и мыслить в русле рузвельтовского курса. В драматичной истории быстрого отхода от него нового американского президента большую роль сыграл военнотехнический фактор. Как хорошо известно, Трумэн намеренно затягивал открытие встречи в верхах «большой тройки», которая по настоянию Вашингтона была перенесена с июня на июль в ожидании информации о результатах первого испытания атомной бомбы в американском штате Нью-Мексико. Появление оружия нового типа стало водоразделом в военно-политической истории мира. Но и в тот момент этот факт автоматически не ставил крест на всё ещё массовых ожиданиях продолжения сотрудничества трёх держав в послевоенный период. Зафиксировано, что в Потсдаме Сталин, уверенный в скором появлении атомного оружия у Советского

Союза, в узком кругу членов советской делегации рассуждал о том, должно ли появление нового оружия у нескольких стран привести к соревнованию в его производстве или к запрещению его производства и применения за исключением использования атомной энергии в мирных целях [Громыко, 2015: 304–305]. Но уже через считанные дни, 6 и 9 августа, по таким намерениям удар нанесли атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, как и продолжение Соединёнными Штатами испытания ядерного оружия уже в мирное время¹.

Встреча в верхах в Потсдаме подвела итоги Второй мировой войны в Европе и одновременно стала точкой отсчёта для послевоенных международных отношений. Грандиозным наследием стратегического мышления союзников в военные годы является Организация Объединённых Наций, Устав которой был подписан 26 июня 1945 г. на конференции в Сан-Франциско. Первый день работы конференции символически совпал с другим историческим событием – встречей советских и американских войск на реке Эльба у города Торгау в Германии. Встреча 25 апреля 1945 г. имела такое колоссальное психологическое значение, что и в 2020 г., несмотря на скверное состояние российско-американских отношений, президенты двух стран выступили с совместным заявлением о «духе Эльбы»².

Представляется, что в последующем холодная война, к которой привёл постепенно затягивающийся после 1945 г. узел противоречий между СССР и США, не переросла в новую горячую благодаря в основном двум факторам. Во-первых, в политико-дипломатической сфере с переменным успехом предпринимались постоянные попытки, в первую очередь на платформе ООН, создать механизмы согласования интересов ведущих держав и добиться того, что позже получило название стратегической стабильности (или кризисной стабильности). Во-вторых, в военной сфере достаточно быстро вслед за США было создано атомное оружие в СССР, и затем, после шока Кубинского кризиса 1962 г., Москва и Вашингтон проявили способность построить систему контроля над вооружениями с элементами его сокращения.

В год 75-летия создания ООН необходимо подчеркнуть выдающийся вклад конференций «большой тройки» в послевоенное миростроительство, получивший выражение в основании ООН – достаточно эффективной, уникальной и всеобще признанной организации. Главная провозглашённая в её Уставе цель — «избавить грядущие поколения от бедствий войны» – выполнена, Третью мировую войну до сих пор удавалось избежать. Очевидно, что ООН повторила бы судьбу Лиги Наций, если участники «большой тройки», а затем и «большой пятёрки» (с подключением Франции и Китая), не вложили бы все свои силы и не пошли бы на компромиссы при создании ООН как всеобщей международной организации по поддержанию мира.

По воспоминаниям Эдварда Стеттинуса, заместителя государственного секретаря США и руководителя американской делегации на конференциях в Думбартон-

¹ Первое испытания ядерного оружия после окончания Второй мировой войны США провели 1 июля 1946 г., сбросив атомную бомбу на списанные американские военные корабли у атолла Бикини в Тихом океане.

² Совместное заявление Президента Российской Федерации В.В. Путина и Президента Соединённых Штатов Америки Д. Трампа по случаю 75-й годовщины встречи на Эльбе. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63277> (дата посещения: 12.10.2020)

Окс и Сан-Франциско: «...руководители Советского Союза были чрезвычайно заинтересованы в создании международной организации» [Громыко, 2015: 312]. США проявили способность к компромиссу по такому ключевому вопросу, как принцип единогласия постоянных членов Совета Безопасности ООН, по которому шли трудные переговоры и в Думбартон-Окс, и в Ялте. Окончательно этот вопрос был урегулирован на конференции в Сан-Франциско. Позитивное влияние на результаты её работы оказывала не только способность ведущих держав идти на взаимные уступки, но и пересечение их интересов, что проявилось, например, в близких подходах СССР и США к судьбе английских и французских колоний.

Приведём ещё один из многочисленных примеров партнёрского настроя Москвы и Вашингтона в отношении друг друга. В ходе обсуждения в исполнительном комитете ООН в Лондоне вопроса о первом генеральном секретаре новой всемирной организации СССР неофициально предложил кандидатуру американца Олджера Хисса, который председательствовал на конференции в Сан-Франциско¹. Со своей стороны у США среди возможных кандидатур числились советские дипломаты М.М. Литвинов, И.М. Майский и А.А. Соболев [Гайдук, 2012: 63].

* * *

«Рузвельтовский курс» в годы войны сплотил вокруг себя значительную часть американского политического истеблишмента в деле налаживания долговременных и взаимовыгодных отношений с СССР. Игнорировать это не могли и в Великобритании. Падение Третьего рейха в мае 1945 г., подписание Устава Организации Объединённых Наций в июне, разгром милитаристской Японии в августе стали событиями глобального масштаба. Они не только оставили позади самую страшную войну в истории человечества, но проложили путь к обновлённому и более справедливому мироустройству. Одним из его опор на долгое время стала Ялтинско-Потсдамская система международных отношений. После демонтажа биполярного противостояния и окончания холодной войны наследие стратегического мышления Москвы, Вашингтона и Лондона, а также Парижа и Пекина, продолжает оказывать самое непосредственное влияние на современный мировой порядок. До сих пор «дух Эльбы» является фактором, который не могут игнорировать в столицах бывшего «великого альянса».

За прошедшие 75 лет в системе мирового управления не возникло ничего близкого по своему значению к ООН. Правило консенсуса среди постоянных членов Совета Безопасности и сама его конфигурация по-прежнему служат высокими барьерами на пути полного развала системы глобального управления и культуры стратегического диалога. Советская дипломатия внесла решающий вклад в то, что-

¹ Олджер Хисс в разгар маккартизма в США был обвинён в сотрудничестве с советской разведкой. Его вина никогда доказана не была, а сам Хисс всю жизнь отрицал свою причастность к нарушению государственной тайны. Также с уверенностью можно утверждать, что, если даже предположить обратное, то А.А. Громыко в 1945 г. не было осведомлён о чём-либо подобном.

бы встроить ключевые «стабилизаторы» в деятельность новой всемирной организации по безопасности. Холодная война, ставшая неизбежной к концу 1940-х гг., перечеркнула многие планы и намерения участников антигитлеровской коалиции. Но эта констатация в очередной раз подчёркивает, что политика — искусство возможного. Она настолько успешна в деле построения прочного мира, насколько в поведении ведущих держав стратегия и прагматизм доминируют над сиюминутными интересами и идеологиями.

Список литературы

Великая Отечественная война 1941–1945 годов (2014) В 12 т. Т. 8. *Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны*. Глава «Советский Союз на Московской и Тегеранской конференциях». Кучково поле, Москва.

Воробьёв С.В. (2020) «Ялта–1945»: от войны к миру. *Обозреватель*, № 5. С. 67–78.

Гайдук И.В. (2012) *В лабиринтах холодной войны: СССР и США в ООН, 1945–1965 гг.* ИВИ РАН, Москва.

Громыко А.А. (2015) Памятное. Новые горизонты. Центрополиграф, Москва.

Кравченко М. (2020) Советская дипломатия в Великой Отечественной войне. *Международная жизнь*, май 2020 г.

Никонов В.А. (2016) Молотов: Наше дело правое. В 2 кн. Кн. 2. Молодая гвардия, Москва.

Новиков Н.В. (1989) Воспоминания дипломата. Политиздат, Москва. С. 329–336. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/novikov_nv2/28.html (дата посещения: 12.08.2020).

Печатнов В.О. (2006) *Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки*. Терра, Москва.

Печатнов В.О. (2020) Коренной перелом в ходе войны и внешняя политика СССР. В кн.: *История великой победы*. Том 3. Война и дипломатия. Под ред. Торкунова А.В. МГИМО-Университет, Москва.

Романова В.Е. (2020) Вызревание идейных основ нового мирового порядка. В кн.: *Вторая мировая война и трансформация международных отношений: от многополярности к биполярному миру*. Издательство Московского университета, Москва.

Синдеев А.А. (2020) Дипломатический фронт Великой Отечественной войны. *Современная Европа*, № 3. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32020158169>

Торкунов А.В. (2020) Великая Победа и мировой политический процесс. *Международная жизнь*, июнь 2020.

Филитов А.М. (2015) «Большая тройка»: мир, который они искали и нашли. В кн.: *1945 год: формирование основ послевоенного мироустройства*. Киров.

Шевченко О.К. (2019) *Триумф власти*. Советская историософия Ялтинской конференции. ТДА, Москва. 240 с.

Юнгблюд В.Т. (1996) *Эра Рузвельта. Дипломаты и дипломатия*. Санкт-Петербург.

Welles S. (1944) *The Time for Decision*. New York. p. 321.

References

Gajduk I.V. (2012) *V labirintah holodnoj vojny: SSSR i SSHA v OON, 1945–1965 gg.* IVI RAN, Moscow.

Gromyko A.A. (2015) *Pamyatnoe. Novye gorizonty*. Centropoligraf, Moscow.

Filitov A.M. (2015) «Bol'shaya trojka»: mir, kotoryj oni iskali i nashli. V kn.: *1945 god: formirovanie osnov poslevoennogo miroustrojstva*. Kirov.

Kravchenko M. (2020) Sovetskaya diplomatiya v Velikoj Otechestvennoj vojne. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, maj 2020 g.

Nikonov V.A. (2016) *Molotov: Nashe delo pravoe*. V 2 kn. Kn. 2. Molodaya gvardiya, Moscow.

- Novikov N.V. (1989) *Vospominaniya diplomata*. Politizdat, Moskva. P. 329–336. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/novikov_nv2/28.html (accessed: 12.08.2020).
- Pechatnov V.O. (2006) *Stalin, Ruzvel't, Trumen: SSSR i SSHA v 1940-h gg.: Dokumental'nye ocherki*. Terra, Moscow.
- Pechatnov V.O. (2020) Korennoj perelom v hode vojny i vneshnyaya politika SSSR. V kn.: *Istoriya velikoj pobedy*. Tom 3. Vojna i diplomatiya. Pod red. Torkunova A.V. MGIMO-Universitet, Moscow.
- Romanova V.E. (2020) Vyzrevanie idejnyh osnov novogo mirovogo poryadka. V kn.: *Vtoraya mirovaya vojna i transformaciya mezhdunarodnyh otnoshenij: ot mnogopolyarnosti k bipolyarnomu miru*. Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow.
- Sindeev A.A. (2020) Diplomaticeskij front Velikoj Otechestvennoj vojny. *Sovremennaya Evropa*, № 3. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32020158169>
- Torkunov A.V. (2020) Velikaya Pobeda i mirovoj politicheskij process. *Mezhdunarodnaya zhizn', iyun'*.
- Shevchenko O.K. (2019) Triumf vlasti. Sovetskaya istoriosofiya Yaltinskoj konferencii. TDA, Moscow. P. 240.
- Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 godov (2014) V 12 t. T. 8. *Vneshnyaya politika i diplomatiya Sovetskogo Soyuza v gody vojny*. Glava «Sovetskij Soyuz na Moskovskoj i Tegeranskoj konferenciyah». Kuchkovo pole, Moscow.
- Vorob'yov S.V. (2020) «Yalta–1945»: ot vojny k miru. *Obozrevatel'*, № 5. P. 67–78.
- Welles S. (1944) *The Time for Decision*. New York. P. 321.
- Yungblyud V.T. (1996) *Era Ruzvel'ta. Diplomaty i diplomatiya*. Sankt-Petersburg.

The Birth of the Post-War World: Planning and Realities

(To 75 Anniversary of the Great Victory and the creation of the UNO. Article one)

Received 16.09.2020

The article was prepared within the project “Post-Crisis World Order: Challenges and Technologies, Competition and Cooperation” supported by the grant from Ministry of science and higher education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

Author: Gromyko AL., Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Europe (RAS). **Address:** 11-3, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** alexey@gromyko.ru

Abstract. The article is dedicated to the 75-th anniversaries since the end of the Second World War and the creation of the United Nations. The author explores the evolution of key ideas, including the contribution of the Soviet diplomatic strategy, on the post-war world and interaction among the great powers. Special attention is drawn to the phenomenon of the “Roosevelt course” and the atmosphere in the Soviet-American relations during the war. The main approaches of the allies’ diplomacy towards principles of post-war cooperation are analysed. It is shown that the emergence of the Cold War was not inevitable and did not correspond to the national interests of great powers. In the course of the war their vision was based mainly on pragmatism and security interests rather than on antagonistic ideologies. In terms of chronology the start of the Cold War is proposed to attribute not to a concrete year but to a period from 1945 to the end of the decade. The author underlines the outstanding and unique nature of the UN as the most enduring legacy of the Second World War, which has not lost its acute role in 2020. This research will be continued in the next paper by the author.

Key words: Second World War, diplomacy, Yalta-Potsdam system, Big Three, security, ideology, international relation, Roosevelt course, United Nations, Cold War.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520201932>